

С Парнасса нисхожу, скажу противу воли,
 Во время пушего я жара моего,
 И не взойду, по смерть, я больше на него,
 Судьба моей то доли.
 Прощайте, музы, навсегда!
 Я более писать не буду никогда».

В той же декабрьской книжке своего журнала Сумароков поместил свою статью «О кописгах», в конце которой, указывая свои условия для драматургической работы, заявлял, что в противном случае он клянется: «больше ничего драматического писать не стану и слова своего я не отменю».¹

В IV томе того же романа Эмин, повидимому, вновь задел Сумарокова; в письме 10 этого тома — от Эрнеста к Ипполиту говорится о типе «в свете обращающегося человека», который «желает, чтоб все текло по его желанию, правду ненавидит, и хочет, чтоб все ему ласкали. Ты сам знаешь, любезный друг, Еρμοфрита, в нашем городе живущего, которого многие почитали за ученейшего человека. То правда, что он в словесных науках довольно имеет значение, но неумеренность и ласкательство до такой его довели степени, что теперь я думаю во вселенной его злобнее, бешенее и бессовестнее нет. Если кто в чем-нибудь ему попротиворечит, то он в такое приходит бешенство, что нельзя с ним больше разумному человеку говорить, и должно от него бежать прочь. Если собаки на дворе залают, за то он мучит жену свою, для чего она не прикажет собакам молчать. Когда ему схать должно со двора, а пойдет дождь, тогда он рвет на себе волосы, бьет своих служителей и ругает жену, спрашивая: для чего дождь на дворе? Он ненавидит свое отечество; клеветает всех людей, утверждая, что они его достоинств не знают, ненавидит общество, что в оном отменных знаков достоинств не имеет. Долги с тем занимает, чтоб их не платить; а ежели купцы оных от него требуют, таким он мстить угрожает, а часто жалуется на них в Магистрате, сплетши безбожную ложь, будто они с ним в его доме неучтиво обходились. Друзей своих всегда обманывал, так что теперь не имеет ни одного. Лекарей, которые весь дом его пользовали, везде за то ругает, что съезят лечить к другим, ибо он столько завистлив и злобен, что не желает, чтоб с ним знающиеся делали ближнему своему добро. Есть за ним и таких много пороков, которых и описывать перо мое стыдится,

¹ Трудолюбивая пчела, стр. 762. Ср. с этим и позднейшую элегию Сумарокова «Страдай прискорбный дух, терзайся, грудь моя». В. П. Семенников предполагает, что эта элегия была издана отдельно в 1768 г., указывая, что какая-то элегия Сумарокова была в этом году напечатана; но ни он, ни я не имели возможности разыскать экземпляр этой элегии 1768 г. и утверждать, является ли искомая элегия именно этой, «Страдай» и т. д., нет пока достаточных оснований. См. В. П. Семенников, «Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II», Пгр, 1915, стр. 110. Элегия «Страдай. . .» была помещена в сборнике «Разные стихотворения Александра Сумарокова», 1769, стр. 210.